

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

Н. Л. Рубинштейн

Во второй половине XVIII в. в сельском хозяйстве России происходили серьезные изменения. Общий процесс развития капиталистического уклада в стране обусловил резкий рост товарности сельского хозяйства и в первую очередь крестьянского хозяйства, решительную экономическую и вместе с тем социальную активизацию крестьянской массы. В то же время сохранение феодальной собственности на землю как основы феодального общественного строя придавало особую силу старой общественной системе в сфере аграрных отношений. Это обусловило предельную остроту классовой борьбы крестьянства против крепостного строя.

Социально-экономические сдвиги захватили самую основу феодального строя — феодальную собственность на землю. В сложной борьбе противоречий совершался процесс начавшегося разложения феодальной собственности на землю и превращения земли в товар, искусственно сдерживаемый феодальными силами. В условиях растущего товарного производства крестьянского хозяйства покупка и аренда земли крестьянами получили широкое распространение, подрывая систему крестьянского наделного землепользования. Определенный этим процесс фактической мобилизации земель помещичьего и крестьянского пользования явился основой быстро продвигавшегося расслоения крестьянства. С начавшимся превращением земли в товар и вовлечением сельского хозяйства в сферу новых товарных отношений было связано и появление специального купеческого предпринимательства в сельском хозяйстве. Наряду с этим шло товарное предпринимательство самого помещичьего класса, которое вело, в свою очередь, к новым захватам земель феодалами, особенно в хлебных и степных районах на Юге и Востоке, и превращалось в попытки прямого феодального наступления на крестьянство. Борьба за землю становилась непосредственным содержанием обострившихся противоречий феодального строя.

Другим проявлением этих противоречий явилась борьба вокруг форм феодальной ренты. Ход экономического развития, рост товарного хозяйства и рыночных отношений, усиление связей сельского хозяйства с рынком определили переход к денежной ренте как последней форме феодальной земельной ренты и вместе с тем форме ее разложения. Во второй половине XVIII в. денежный оброк в России получил последовательное распространение. Он становился, в свою очередь, важным стимулом и условием дальнейшей товарной эволюции крестьянского хозяйства.

Борьба помещичьего класса за удержание своих социально-экономических позиций проявилась здесь в противопоставлении денежному оброку барщины как средства сосредоточения товарной массы сельскохозяйственной продукции в руках помещика. Призванная обеспечить интересы помещичьего хозяйства в условиях быстрого расширения товарных отношений, барщина резко сокращала материальные ресурсы крестьянского хозяйства, подрывала его производительные силы, самые его основы. Заводя в тупик и помещичье хозяйство, поскольку крестьянское хозяйство оставалось его материальной базой, она вместе с

тем предельно обостряла противоречия между помещичьим и крестьянским хозяйствами. Распространение барщины стало одной из форм наступления помещика на крестьян. Борьба вокруг барщины стала в свою очередь узловым пунктом классовой борьбы крестьянства.

Вся вторая половина XVIII в. проходит под знаком напряженной борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета. В записке о первых пяти годах своего царствования Екатерина II писала: «Внутри империи заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи»¹. Общее число возмущившихся крестьян определялось С. М. Соловьевым, основывавшимся на одной из записок Екатерины II, примерно в 200 тыс.; из них заводских крестьян 49 тыс., монастырских и помещичьих 150 тыс., в том числе монастырских 100 тыс.²

Как показывают материалы Сенатского архива, дела Тайной канцелярии и Тайной экспедиции Сената, донесения губернаторов и другие источники³, крестьянское движение последовательно нарастало уже на протяжении 50-х годов XVIII века. К 1751—1752 гг. относится одно из самых крупных крестьянских выступлений середины XVIII в. — восстание приписанных к заводам крестьян калужских вотчин Демидовых и Афанасия Гончарова⁴. Обращает на себя внимание массовость восстания и сплоченность выступивших крестьян. Восставшие вовлекали в движение все новые и новые массы крестьян. Они выдвинули один из наиболее характерных для движения второй половины XVIII в. лозунг — отказ крестьян от своего владельца, постепенно превращавшийся в отказ от признания помещичьей собственности вообще. Крестьяне Демидова заявляли, что они приписаны к «собственным ее императорского величества вотчинам»⁵. В дальнейшем они требовали перевода на положение государственных крестьян, что, видимо, представлялось им освобождением от крепостной зависимости вообще. Характерно значительное упорство крестьянской борьбы. Восстание крестьян Гончарова началось осенью 1751 г. и было подавлено лишь в 1752 году. Подавление восстания демидовских крестьян продолжалось свыше 2 месяцев — с апреля по июнь. Дело не ограничивалось одним пассивным протестом — невыходом на работу; крестьяне вооружались, чем могли: рогатками, дрекольем, камнями, а при возможности и ружьями — и вступали в борьбу с присылавшимися для их усмирения воинскими командами, причем нередко брали над ними верх. Уже в 1757 г. отмечаются новые волнения среди демидовских крестьян Центрального района, в Алексинском и Лихвинском уездах.

В середине 50-х годов возникло движение приписных крестьян на уральских «партикулярных» заводах. В 1759 г. происходили волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровском заводе Демидова, возобновившиеся в 1760 г.; в 1755—1756 гг. на Вознесенском заводе Сиверса, также возобновившиеся в 1760—1761 годах⁶. В 1755 г. и снова в 1759 г. происходили волнения на Каслинских заводах, в 1756 и 1760 гг. — на Кыштымском заводе Демидовых⁷. В 1760 г. начались крупные волнения

¹ «Русский архив», 1865, т. III, стр. 479.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 5. СПб. Б. г., стб. 1384.

³ Там же. Кн. 5 и 6; см. также Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Госархив, разр. VI, XVI.

⁴ Этому восстанию посвящена, в частности, специальная публикация «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.». М. 1937.

⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 5, стб. 686.

⁶ Е. И. Глазатова. Крестьяне Казанского края в восстании Ем. Пугачева. Л. 1952 (кандидатская диссертация, рукопись), стр. 105—107.

⁷ А. А. Кондрашенков. Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х годах XVIII века. М. 1953 (кандидатская диссертация, рукопись), стр. 90 и сл.

приписных крестьян на заводах Шувалова, продолжавшиеся и в начале царствования Екатерины II. Передача в частные руки князю Репнину Липецких железных заводов в Тамбовско-Воронежском районе привела и здесь к крупным волнениям, начавшимся в 1761 г. и продолжавшимся в течение 60-х годов. С начала 60-х годов волнения приписных крестьян получили массовый, повсеместный характер.

Крупные волнения монастырских крестьян тянулись на протяжении 1750-х и 1760-х годов и даже после указа о секуляризации церковных имений. Крупное монастырское хозяйство быстрее и активнее реагировало на рост товарных отношений, развернув значительное крепостническое предпринимательство с расширением крестьянской барщины. Отсюда особенная острота борьбы крестьян против монастырской администрации. С конца 1749 г. начались волнения крестьян Вятской провинции Архиерейского дома и Успенского Трифонова монастыря, продолжавшиеся до конца 50-х годов и охватившие до 12 тыс. душ м. п.⁸

В 1752 г. восстали крестьяне Олонецкой вотчины Хутынского монастыря. В 1753 г. возмутились против управителя и приказчика монастырские крестьяне в селе Павловском и деревне Чесноковке: «земскому от вотчинных дел отказали», солдат воинской команды «многих перебили» и послали в Петербург «от всей волости просителей».

В описи дел Тайной канцелярии под 1757 г. говорится о «бунте» крестьян Новоспасского монастыря в Шацком уезде, также сопровождавшемся вооруженным столкновением с войсками. В 1758 г. продолжались волнения крестьян Вятского Трифонова монастыря, того же Новоспасского монастыря, а также Преображенского монастыря в Белевском уезде. В 1760 г. происходили волнения в тех же вотчинах, также крестьян Муромской соборной церкви, в вотчинах Калязинского монастыря Кашинского уезда, Иосифо-Волоколамского монастыря и Саввино-Сторожевского монастыря Звенигородского уезда, где 2 тыс. вооруженных крестьян осадили монастырь⁹. Можно легко продолжить перечень аналогичных сведений.

Хотя такие данные для помещичьих крестьян отсутствуют, было бы неправильным считать, что они остались вне указанного обострения антифеодальной борьбы. Обследование материалов Пензенской губернии показало широкий размах крестьянского движения в дворцовых селах и помещичьих вотчинах этого района. С. Петров устанавливает здесь только за 1756 г. восстания с разгромом имений в селах Дубовке и Чемиряковке Шереметьева, в селе Архангельском-Владыкине вдовы Владыкиной, в селе успенского помещика Левашова, в селах Скрыбине, Романовке, Танеевке, Обуховке, Огаревке, Новикове¹⁰.

Обострение крестьянского протеста, рост брожения в крестьянской среде нашли свое отражение в делах Тайной канцелярии конца 1740-х и 1750-х годов по обвинению крестьян в государственных преступлениях¹¹. Крестьян обвиняли в произнесении бранных слов по адресу императрицы и ее приближенных, а также по поводу царских указов и законов¹², в доносах на своих помещиков и управителей, в которых надо усматривать прямое желание свести счеты с представителями крепостнической власти. Неоднократно крестьян обвиняли в «назывании себя царем». Еще под 1747 г. значится дело № 997 «О крестьянине Даниле Юдине, осужденном за разные доносы, за вымышленный им пасквиль на царскую особу и за раздачу возмутительных писем о намерении извести великого князя

⁸ С. Токарев. Крестьяне Вятской провинции. Вятка. 1928. стр. 40—42 и др. См. также «Труды Вятской ученой архивной комиссии», вып. I, II, IV, V и VI. 1907; С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 5, стб. 685, 1081.

⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 5, стб. 1178.

¹⁰ См. С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пенза. 1950, стр. 36.

¹¹ ЦГАДА, Госархив, разр. VII, оп. 1.

¹² За 1750 г. значится 8 таких дел, за 1751 г.— 8, за 1755 г.— 5, за 1759 г.— 5.

Петра Федоровича». Следует обратить внимание на дело «Об однодворце Иване Швареве, обвиненном в составлении подложного указа» и на дело «О крестьянах Софроне Бурундунове и Антоне Михайлове, жаловавшихся на разорение ясажных крестьян и о незаконном приписании их к заводам»¹³.

Такого рода выступления обнаруживают новую тенденцию в борьбе крестьянства против крепостного гнета: от непосредственного выступления против плохого помещика к опорочению закона, установившего эту крепостническую эксплуатацию, и к опорочению самой власти, от которой исходили эти указы. Этим дурным властям и законам противопоставлялись другие, хорошие законы и указы; с этим связано и самозванство и надежды на нового царя, отразившиеся в ожидании воцарения Петра Федоровича. В основе этого лежит, как нам представляется, стремление к известной «легализации» крестьянской борьбы, к приданию ей «законного» основания. Надо сказать в этой связи, что обычная трактовка «царистского» характера крестьянских движений феодальной эпохи страдает упрощенностью и требует известного уточнения: в середине XVIII в. эта царистская оболочка отражала не только идейную слабость движения, но уже и новые, по существу, тенденции борьбы крестьянства против самых основ крепостной системы. В этом общем контексте должны быть рассмотрены и царистские лозунги крестьянской войны под предводительством Пугачева.

Уже указ 1758 г. устанавливал наказание для «распространителей молвы о последовавшем якобы дозволении крестьянам, оставив помещиков, переходить в Царицын и в Камышенку для поселения на шелковых заводах». С этой «молвой» связывалось массовое бегство «у разных помещиков крестьян» из Тамбовского и Козловского уездов. С этим же связано установление «печатных, а не письменных указов об усмирении крестьян и о приписке их для работ к заводам»¹⁴. Эта новая тенденция приобрела особенно отчетливую и распространенную форму в крестьянских выступлениях 60-х годов. В литературе получила широкое распространение концепция, связывающая рост крестьянского движения начала 1760-х годов с отзвуками «Манифеста о вольности дворянства», лишившего, дескать, законного основания право помещика на крепостной труд крестьян. Эта концепция впервые была сформулирована В. И. Семевским¹⁵ и стоит в формально-логической связи с теорией государственной юридической школы о закреплении и раскреплении сословий. В самих документах крестьянского движения, сплошь и рядом обращаясь для обоснования своих требований к ссылкам на законы и к их соответствующему толкованию, ссылки такого рода отсутствуют. Зато документы обнаруживают прямую связь и последовательное развитие тенденций, обозначившихся уже в 1750-е годы, до того, как был опубликован манифест 1762 г. и вне всякой связи с ним. Дворцовая смута, сопровождавшая воцарение Екатерины II, давала для этого достаточный конкретный материал, а истинную причину ее распространения надо, очевидно, искать в реальных условиях экономического строя.

В прямой связи с этими явлениями стоит уже указание особого манифеста Петра III от 19 июня 1762 г. «о наказании рассеивателей ложных слухов, выведших крестьян из повиновения». Повторением этого указа явился указ Екатерины II от 3 июля 1762 года¹⁶. В новом указе от октября месяца о волнениях помещичьих крестьян снова говорилось: «Многие крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от

¹³ ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 1982 за 1760 г.; д. 1990 за 1761 год.

¹⁴ «Полное собрание законов» (ПСЗ). Т. XV, № 10791 от 13 января 1758 г., № 10870 от 15 августа 1758 года.

¹⁵ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I. СПб. 1901, стр. 419.

¹⁶ ПСЗ. Т. XV, № 11577, т. XVI, № 11593.

непотребных и коварных людей ложными и вымышленными слухами, отложились от должного помещикам и властям своим повиновения, а потому и уже поступили на многие своевольства и продерзости»¹⁷. По свидетельству самого правительства, поводом к волнениям монастырских крестьян в конце 1762 г. явилось истолкование явившимися во многих местах «продерзостными людьми» указа от 12 августа 1762 г., приостанавливавшего секуляризацию. Указ от 4 июля 1763 г. специально запрещал «непристойные рассуждения и толкования по делам, до Правительства относящимся». В этой же связи стоят и дела о «пасквилях, выданных под именем именных указов», манифестах и прочих, о которых говорится в указах от 14 ноября 1762 г., от 16 марта 1764 г., от 19 января 1765 г. и других¹⁸. Указ от 14 ноября 1762 г. содержит конкретные сведения о подложном манифесте с «пасквильными речами», объявившем об освобождении монастырских и приписных крестьян от их владельцев. Были установлены и составители манифеста — дьякон села Красные Горки Кузьмин и приписной крестьянин заводов П. И. Шувалова Герасим Куликов, причем приписанные к заводам разных селений крестьяне, «списав копии ж, езда по приписным к заводам жителямствам и разглашая, возмущают как состоящих, так и несостоящих в противности приписанных к заводу крестьян, чтобы заводских работ не исполнять...». Видимо, аналогичным по содержанию было и «пасквильное письмо», обнаруженное в 1767 г. у дворового человека Андрея Крылова, о котором говорилось в указе от 16 марта 1764 года¹⁹.

Указ от 3 мая 1766 г. снова говорил «о неимении веры к разглашателям слухов, будто указом велено отписывать на ее величество помещичьих крестьян за наложение тяжких на них оброков»²⁰. Со слухами о таком указе связано движение крестьян в имении помещика Еникеева в Темниковском уезде, в помещичьих деревнях Переяславль-Залесской провинции²¹ и возмущение слободских черкас в южных губерниях Центрального земледельческого района²².

Таким образом для крестьянского движения 60-х годов характерно то, что его участники обосновывали свои требования государственными, «законными» правами крестьянства, отрицали крепостное право как таковое, отождествляемое в представлении крестьянина с властью помещика-дворянина или церковного феодала. Просьбы об освобождении от помещиков характеризуются и челобитные 1766—1767 годов²³.

С этим обстоятельством связано то, что крестьянское движение во второй половине XVIII в. приобрело широкий размах. В. И. Семевским было установлено около 40 волнений помещичьих крестьян за период 1762—1769 годов²⁴. Список крестьянских волнений, несмотря на еще далеко не полное использование архивных фондов и некоторых печатных источников, уже сейчас достиг 73²⁵ (помимо массового движения в Лифляндской губернии). Борьба крестьян приобретала напряженный и длительный характер. Она не замыкалась в рамки отдельных имений, а постепенно распространялась на целые районы. Так, волнения летом и осенью 1762 г. произошли одновременно в Тверском и Клинском уездах среди крестьян помещиков Хлопова и Татищева, в Волоколамской вотчине

¹⁷ Там же, № 11678 от 8 октября 1762 года.

¹⁸ Там же, №№ 11730, 11843; т. XVI, №№ 11710, 12089; т. XVII, № 12313.

¹⁹ Там же, т. XVII, № 12890 от 1 мая 1767 года. О сожжении в Ярославле пасквильного письма.

²⁰ Там же, № 12633.

²¹ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 6, стб. 292, 333.

²² ПСЗ, т. XVII, № 12733, указ от 28 августа 1766 года.

²³ См. С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 6, стб. 333 и др.

²⁴ В. И. Семевский. Указ. соч. Т. I, гл. XIII и специально стр. 441.

²⁵ См. В. И. Макаров. Положение государственных крестьян по наказам к Комиссии 1767—1768 гг. Л. 1951 (кандидатская диссертация, рукопись), приложение I, а также стр. 81.

Дмитриева-Мамонова, в имениях Тульского, Епифанского, Белевского, Каширского уездов (будущая Тульская губерния). Выступление крестьян села Вознесенское Галицкой вотчины князя Долгорукова было столь значительным, что его усмирение поручили князю Вяземскому, воинская команда которого подвергалась нападению 2 тыс. крестьян. Волнения распространились на соседние вотчины Пошехонского и Новгородского уездов.

В журналах и протоколах Сената зафиксировано массовое движение приписных крестьян. Напряженность положения, сложившегося в стране, вынудила правительство поручить подавление выступлений этих крестьян наиболее видным государственным деятелям — А. А. Вяземскому и затем А. И. Бибикову. Усмирители, по словам Екатерины II, «не единожды принуждены были употребить противу них оружие и даже до пушек»²⁶. Наряду с жестоким подавлением волнений правительство Екатерины II сочло необходимым «рассмотреть на месте жалобы на заводоуправителей» и сделать известные уступки крестьянам для внесения успокоения. Было введено специальное «Учреждение» по Ижевскому и Воткинскому заводам Шувалова, переданное в копии как образец всем заводам²⁷. Правительству пришлось вернуть в казенное управление ряд заводов, розданных в 50-х годах придворной знати: Гороблагодатские заводы П. И. Шувалова, заводы Воронцовых, Чернышева, Ягужинского и другие, на которых происходили крупные волнения.

Крестьянское движение не убывало во вторую половину 60-х годов. Оно подводило массы к крестьянской войне 1773—1774 гг. под предводительством Ем. Пугачева. За 1766 г. по помещичьим вотчинам известно 11 крестьянских восстаний; в 1767 г. восстания охватили 27 вотчин, в ряде из них они начались еще в предыдущем году; в 1768 г. они продолжались еще в 7 помещичьих вотчинах. При этом значительная часть восстаний охватила именно южные земледельческие губернии с их быстро растущим помещичьим землевладением. К 1766—1767 гг. относится большое восстание черкасских слобод в Белгородской и Воронежской губерниях против закрепощения их крупными феодалами. Волнения среди монастырских и заводских крестьян в Исетской провинции, достигнув очень сильного напряжения в начале 1760-х и в 1764—1767 гг., возобновились в 1771 году²⁸. На противоположном конце России массовое крестьянское движение охватило олонечких приписных крестьян, волнения которых продолжались с октября 1769 г. по июль 1771 года. Так называемое Кижское восстание распространилось на район с населением до 40 тыс. человек²⁹. Крупный центр крестьянского движения возник в это время и в новом районе товарного сельского хозяйства — в Среднем Поволжье.

Характерным примером крестьянского восстания в этом районе может служить восстание, начавшееся в 1765 г. в селе Ивановском, Пензенского уезда, помещика Шевырева, к которому примкнули соседние монастырские и казенные крестьяне³⁰. В этом восстании отмечается значительная организованность. Крестьяне выбрали себе руководителей: «...настоящий бунтовщик, называющийся выборной, Иван Глотов», его помощник —

²⁶ «Русский архив», 1865, т. III, стр. 486.

²⁷ См. ПСЗ. Т. XVI, № 11790; «Архив истории труда в России», 1921, № 1. Материалы для истории рабочих на горных заводах (из записки В. Крамаренкова, из записки А. Вяземского, указы); ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2129, 1763 год.

²⁸ Описанию крестьянского движения в Исетской провинции посвящена указанная кандидатская диссертация А. А. Кондрашковой.

²⁹ Я. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск. 1951.

³⁰ Восстание в селе Ивановском и других подробно описано в работе Т. П. Ржанниковой «Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева», гл. III, стр. 451—482; та же работа — Автореферат. Л. 1953, стр. 16—17; см. также Е. Подъяпольская. О помещичьем землевладении в районе Аткарского края. «Известия краеведческого института изучения Окско-Волжской области при Саратовском университете». 1917. Т. II. О крестьянских движениях 1790-х годов см. ниже.

отставной солдат Сидор Суслов. Рапорт Дмитриева показывает, как шла подготовка восстания. Крестьяне «...пажить всю свою еще до прибытия моего с командою задолго вывезли в близлежащие села, а некоторые в лес», «на дворах потаенное имелось всякое огненное и студенное оружие», ружья покупались у монастырских крестьян и пахотных солдат соседних сел. «В том селе Ивановском приуготовлено каменье довольно число, да поленцев одноручных, с обеих сторон вострых, на каждого человека по 10, рогатин до 200, кои деланы из барского железа, да сверх того осталось рогатин 30, кои у барского двора состоят, дубинок до триста, огненного оружия тридцать, которым и обучались стрелять в цель, пороху, который куплен крестьянином Петром Громовым, полпуда... да жеребьев железных нарублено на каждое ружье по шестнадцать, а свинцовых пуль сколько, он не знает; багров двенадцать, кои насажены на легких шестиках, а те багры зделаны были для того, чтобы служилых людей колоть и таскать; бердышей 4, больших ножей довольно число». Такое вооружение было характерно и для других крестьянских восстаний того времени.

Дмитриев также отмечал, что крестьяне хотели «регулярную и нерегулярную команду з голоду поморить, и нигде ничего продажи не было», «не только съестных припасов, но и хлеба не продавали». В выступлении крестьян села Ивановского обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Описание указывает, что крестьяне восставших сел составили «немалое число многолюдных конных партий», имели поддержку «в воровских и разбойничьих в здешних местах партиях»³¹.

Действия вооруженных отрядов беглых крестьян, обозначаемых официальными источниками как разбойничьи отряды, особенно характерны для восточного района, где организация правительственной власти была слабее и где сосредоточились большие массы беглых. Эти отряды, пользуясь поддержкой крестьянства, совершали нападения на помещиков. Нижнеломовские дворяне в 1767 г. писали о их действиях: «...при тех районах более под предводительством беглых от помещиков людей и крестьян, кого из тех помещиков в домах своих застанут, мучат злодейски... а особливо дворянство умерщвляют, а наконец дома их и жительства выжигают, что почти ежегодно в здешней провинции происходит. То же чинится и от собственных помещиков крестьян...»³²

Кульминационным пунктом антифеодальной борьбы крестьянских масс явилась крестьянская война 1773—1774 гг. под предводительством Емельяна Пугачева. Сдерживаемое правительственной властью в старом государственном центре, массовое крестьянское движение прорывалось с особенной силой в восточной части России, получив здесь невиданный размах. Оно охватило территорию около 600 тыс. кв. км с крестьянским населением около 2 млн. душ м. п., из которых около 40% составляли помещичьи, около 60% — разные разряды казенных крестьян. Определение числа активных участников восстания, в смысле участия в вооруженных отрядах, представляет значительные трудности, во-первых, в силу существования большого числа отдельных местных отрядов, во-вторых, ввиду текучести состава главных сил Пугачева. В момент наиболее крупных столкновений с царскими войсками в войске самого Пугачева, по данным правительственной информации, числилось от 10 тыс. до 25 тыс. человек. Поскольку значительная часть состава пугачевского войска каждый раз обновлялась, общее количество участников основной армии Пугачева должно было в несколько раз превышать это число. Что касается численности местных отрядов, то в одном только Пензенском крае (включая со-

³¹ См. Т. Ржанникова, Указ. соч., стр. 462—463, 483—503.

³² Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 68, стр. 427—428.

седние уезды будущих Тамбовской и Симбирской губерний) за период с 20 июля по 20 сентября 1774 г. было ликвидировано более 50 отрядов, причем некоторые из них насчитывали до 4 тыс. человек³³. По донесению П. Панина, при разгроме местных отрядов было убито до 10 тыс. человек и около 9 тыс. было взято в плен³⁴.

Как показывают документы, вся масса местного крестьянства фактически вышла из повиновения местным властям и своим помещикам и так или иначе участвовала в восстании. По словам современника, известного экономиста П. И. Рычкова, «чернь едва ли не вся взбунтовалась и устремилась на убийство и грабление дворян»³⁵. А. И. Бибииков писал из Казани Фонвизину 22 января 1774 г. о «почти всеобщем черни волнении», о «великой обширности сего зла», о том, что «сей саранчи умножилось до невероятного числа»³⁶. Он говорил об этом и в письме от 15 марта 1774 г. из Кучуевской крепости: «...пожар велик и далеко распространился, тушить на многих тысячах верстах не ловко»³⁷.

Крестьянская война под предводительством Пугачева объединила разные течения и направления антифеодальной борьбы, обозначившиеся ранее. К борьбе крепостных крестьян — помещичьих, дворцовых, государственных, экономических — против многообразных форм крепостнической эксплуатации присоединилась борьба приписных и крепостных крестьян против «заводской» барщины, борьба казачества (яицкого, донского, волжского) против крепостнического закабаления и захвата их земель и рыбных угодий, борьба народов Среднего Поволжья и Приуралья против государственного закабаления и многообразных форм крепостнической эксплуатации, осложненной национальным и религиозным гнетом. Удельный вес тех или иных групп в движении и особенно в составе войск Пугачева изменялся на разных этапах; изменения были связаны с перемещением основного района движения. Распространение движения в направлении Среднего Поволжья всколыхнуло крестьянство Казанского края, возобновившего с новой силой массовую борьбу против приписки к заводам. Особый размах и остроту движение приобрело с перенесением центра борьбы на правый берег Волги. По мере продвижения Пугачева к Казани и особенно с переходом его на правый берег Волги ярко выявилась тесная связь движения с местными крестьянскими выступлениями предшествующего десятилетия. На этом этапе восстание Пугачева особенно наглядно отразило противоречия, порожденные изменениями в феодальном строе сельского хозяйства³⁸.

«Манифесты» Пугачева и его помощников с большой отчетливостью отразили антифеодальную сущность движения, содержание крестьянских требований, приобретших большую конкретность и определенность. Первое, основное положение говорит о ликвидации всякого феодального землевладения и передаче земли и всех угодий в руки крестьянства. Наиболее полный и четкий перечень различных категорий феодальной земельной собственности дает манифест Пугачева от 31 июля 1774 г., изданный после его перехода на правый берег Волги: «владение землями, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями, и соляными озера-

³³ С. Петров. Указ. соч., стр. 100.

³⁴ С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. М. 1930, стр. 113.

³⁵ С. Петров. Указ. соч., стр. 170.

³⁶ «Осьмнадцатый век». Исторический сборник, издаваемый под редакцией П. Бартечева. Кн. III. М. 1869, стр. 232.

³⁷ Сборник РИО. Т. 72, стр. 88.

³⁸ На особое значение последнего этапа крестьянской войны обратил внимание еще один из первых исследователей крестьянской войны, Д. Анучин. См. Д. Анучин. Граф Панин — усмиритель пугачевщины. «Русский вестник», 1869, ч. 2. В советское время этот период привлек специальное внимание историков. См. С. И. Тхоржевский. Указ. соч.; С. Петров. Указ. соч. Этому же району посвящены специальная статья А. Заозерского «Бунтовщики» (сборник «Века». П. 1924) и новейшее исследование Э. С. Коган «Волнения крестьян Пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева» («Исторические записки», кн. 37).

ми». Характерно внесенное в этот манифест специальное дополнение — «без покупки и без оброку». Первая часть этой формулы явно относится к распространенным в этих земледельческих районах сделкам на землю между крестьянами и помещиками — покупку и аренду в порядке оброчной статьи, подчеркивая, таким образом, одновременную ликвидацию старых кабальных сделок крестьян на пользование землей в условиях феодального строя, конкретизируя тем самым для широких масс крестьянства безвозмездный характер передачи им земельной собственности. Сюда же присоединилось и освобождение крестьян от «всех прежде чинимых от хозяев дворян и градских мздоимцев — судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений». Пожалование земель означало освобождение от крепостной зависимости и определялось соответственно как дарование «свободы и вольности»³⁹.

Интересно при этом толкование, данное указанным положениям манифестов руководителем одного из повстанческих отрядов — крестьянином села Каменки, Пензенского уезда, вотчины княгини Голицыной Иваном Ивановым. Согласно показаниям бурмистра и крестьян этого села, он объявил им указ Петра III, то есть Пугачева, «что де будете вы государевы, а не господские»⁴⁰. Прибывший в вотчину Куракина село Борисоглебское командир повстанческого отряда вахмистр Федюшев также объявил им, «что быть всем государевыми, а не господскими». О том же заявил в селе Архангельском руководитель другого отряда, Иван Осипов: «И вы будете государевы, а не помещичьи, и с вас податей никаких братца не будет»⁴¹. В представлении крестьян освобождение от феодальной зависимости было связано в это время с переходом в разряд государственных крестьян.

Объединение всех разрядов крестьянства в движении наглядно свидетельствует о том, что оно уже вышло из стадии частной борьбы с отдельными помещиками. Манифест призывает крестьян «помещиков и вотчинников» как «злодеев и преступников против воли моей императорской лишать... всей жизни, то есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение», давая тут же обоснование крестьянских прав на это помещичье имущество: «...а как оное их помещиков имение и богатство, также яство и питье было крестьянского кошта»⁴². Лозунг расправы с помещиками-дворянами с особенной настойчивостью пропагандировался после перехода Пугачева на правый берег Волги, в районы со значительным помещичьим землевладением.

Вместе с тем восставшие расправлялись также с чиновниками дворцового ведомства и духовенством. Характерно, что руководителями отрядов сплошь и рядом выступали не помещичьи, а государственные крестьяне. Из атаманов отрядов Михаил Евстратов был инсарским однодворцем, Степан Репин — однодворческий сын села Хорошевки, Шацкого уезда, Яков Иванов был дворцовым крестьянином села Кочелаевки, Наровчатского уезда, Каменский значился «малороссийянином» и принадлежал, очевидно, к государственным крестьянам — черкасам, Трофим Евсеев — выходец из посада, Вьясков — крестьянин экономического села Четвертакова и так далее. Пахотные солдаты казенного села Сердобы возглавили возмущение крестьян Борисоглебской вотчины А. Куракина⁴³.

Различные перегородки внутри крестьянства стирались перед общим классовым противоречием крестьянства и класса феодалов. Но именно в силу этого нельзя принять выведенное отсюда С. Тхоржевским другое положение. С. Тхоржевский отмечал, будто крестьянское движение было

³⁹ См. сборник «Пугачевщина». Т. I. М.-Л. 1926, стр. 26, 28, 30, 32, 33, 36, 40—42.

⁴⁰ Сборник «Пугачевщина». Т. III. М.-Л. 1931, стр. 67.

⁴¹ Э. С. Коган. Указ. соч., стр. 109—110.

⁴² Сборник «Пугачевщина». Т. I, стр. 36, 42—43 и др. Отметим, что этот наглядный лозунг впервые формулируется в манифесте от декабря 1773 года.

⁴³ Э. С. Коган. Указ. соч., стр. 109.

направлено не только против помещиков, но и «против вообще богатых людей», в том числе и зажиточного крестьянства, отражая, таким образом, развивавшийся процесс крестьянского расслоения⁴⁴. Аналогичное утверждение выдвинули авторы статьи «Об особенностях крестьянских войн в России», помещенной в журнале «Вопросы истории» (1956, № 2). Но эти утверждения недостаточно обоснованы. В условиях развития капиталистических отношений во второй половине XVIII в. процесс социального расслоения крестьянства, безусловно, получил значительное развитие: внутренние противоречия уже заметно выступали в жизни крестьянского мира. Все же эти противоречия ступшевывались перед общей борьбой различных прослоек крестьянства с крепостным правом. Официальные донесения подчеркивают это единство. Сотский и «лучшие люди» возглавили возмущение однодворцев Нижнего Ломова, выборный и земский руководили выступлением однодворцев в селе Покровском, Троицкого уезда; то же имело место в селах Болкашине и Семеновском. Присоединение к Пугачеву помещичьего села Караулова произошло «с общего всех той вотчины крестьян согласия»⁴⁵. К такому же выводу приводят и конкретные данные об участии в восстании крестьян Пензенской и Саратовской вотчин А. Б. Куракина, сел Архангельского и Борисоглебского с деревнями⁴⁶.

Особое положение сложилось в этом отношении в северо-восточных районах страны. В сообщениях о выступлениях заводских рабочих людей и приписных крестьян встречаются указания на расправу восставших с отдельными зажиточными крестьянами. Борьба против деревенских богатеев отмечается в приписных к заводам селениях. Возможно, это объясняется тем, что зажиточные крестьяне занимались здесь торговыми промыслами, важной доходной статьей их являлась доставка продовольственных товаров на рынки в заводские селения для продажи заводским работникам и приписным крестьянам. Здесь имел место как бы отрыв зажиточных крестьян от основной крестьянской массы и превращение их в торгово-ростовщическую верхушку, по терминологии того времени, в «съедуг»⁴⁷.

Непосредственная связь крестьянского движения периода крестьянской войны с предшествующими волнениями, его глубокие внутренние корни сказались в стихийности повсеместного распространения восстания. Образование крестьянских отрядов на местах опережало появление армии Пугачева; во главе этих отрядов становились местные крестьяне, нередко участники прежних восстаний⁴⁸. Это имело место и на Урале и в Казанском крае.

Генерал Де-Колонг, наступая со стороны Сибири в район Исетского края, сообщал 16 февраля 1774 г.: «Многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне добровольно, без всякого от злодея⁴⁹ принуждения, не только к стопам его преклоняются, но, рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительства...»⁵⁰. Еще до появления в крае самого Пугачева, при первых слухах о его войске, крестьянские ходоки отправлялись в его лагерь и, возвращаясь оттуда, стано-

⁴⁴ С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. М. 1930, стр. 151 и 147.

⁴⁵ Сборник «Пугачевщина». Т. III, стр. 49, 108, 113—115, 131, 132, 139—143.

⁴⁶ См. Э. С. Коган. Указ. соч., стр. 109 и др.

⁴⁷ См. Д. Сот. Крестьянская война 1773—1774 гг. в районе Пермских заводов. Л. 1952 (кандидатская диссертация, рукопись), стр. 42—43; Е. Глазатова. Указ. диссертация, стр. 137—139; А. А. Кондрашенков. Указ. диссертация, стр. 61. К этому району относится и основная ссылка в статье В. В. Мавродина, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеевой, Т. П. Ржанниковой «Об особенностях крестьянских войн в России». «Вопросы истории», 1956, № 2.

⁴⁸ Соответствующие данные см. также В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржанникова. Указ. соч., стр. 73.

⁴⁹ Так официальные власти именовали Пугачева.

⁵⁰ А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб. 1907, стр. 70.

вились во главе местного движения. Таково, например, начало деятельности Андрея Носкова в приписных селениях Воткинского завода. Движение в районе Исетского края получило значительное развитие в первые месяцы 1774 г., когда основная армия Пугачева переживала критические дни под Оренбургом. Среди активных деятелей восстания здесь были участники борьбы предшествующего периода, как крестьянин Долматовского монастыря Денис Жернаков и продолжавший, по слухам, действовать Каменщиков. Движение приписных крестьян разгорелось на тех же заводах, где оно отмечалось в 50-е и 60-е годы⁵¹. Мастеровые и приписные крестьяне Воткинского завода образовали отряды под руководством приписных крестьян Федора Калабина, по прозвищу Шмота, и Андрея Носкова.

В районе правого берега Волги эти черты выступили еще отчетливее. Движение здесь началось еще тогда, когда сам Пугачев находился под Оренбургом и на Урале; лишь только слухи о Пугачеве докатились до правого берега Волги, крестьяне поднялись на борьбу. Уже в марте 1774 г. крупная партия «беглых и разбойников» численностью до 3 тыс. человек действовала в районе Хопра и Медведицы. Местные помещики вооружались для борьбы с восставшими. К тому же времени относятся возмущение крестьян помещика Рознатовского в селе Кевресы, Казанского уезда, отправивших двух человек к Пугачеву с прошением освободить их от помещика. Отдельные выступления крестьян отмечались и в других селениях⁵².

Выход Пугачева на правый берег Волги послужил сигналом к общему восстанию крестьянства на всей территории края, далеко распространившемуся за пределы непосредственного пути следования самого Пугачева и его отрядов⁵³. Документы перечисляют имена многочисленных командиров повстанческих отрядов из местных крестьян или городского люда. С. Тхоржевский называет среди местных атаманов Петра Евсевьева, Савелия Мартынова, Дубцова, Михаила Евстратова (или Елистратова), Якова Иванова, Трофима Иванова, малороссиянина Каменского, Трофима Евсевьева, Фирса Иванова, Воронова, Петра Львова, Андреева⁵⁴. С. Петров добавляет имена С. Вьяскова, Никиты Левина, некоего Константина из села Алферьевки, Михайлова, Ефрема Медведева, а также атаманов чувашских отрядов — Михаяра, Павла Федорова Полоха, Таманде Тимофея и других⁵⁵.

Большая часть крестьянских отрядов действовала в пределах ограниченного района, осуществляя расправу над местными помещиками и представителями сельской администрации, уничтожая архивы с крепостнической документацией, деля хозяйственное имущество помещиков, хлебные запасы и скот. В лагерь Пугачева обращались при этом лишь для оформления расправы, для ее легализации. По подсчетам Тхоржевского, на основании «перечневой ведомости», представленной Паниным, крестьянами был «истреблен» 2 091 человек, из них 1 572 из дворянского сословия и 257 из духовенства, 45 канцелярских служителей, в число остальных входили, наряду с другими, помещичьи приказчики и администрация государственных и дворцовых селений⁵⁶. По данным С. Петрова, на одном только казенном винокуренном заводе (Алатырского уезда) было уничтожено более 200 помещиков, чиновников и служащих завода⁵⁷. Борьба в крае не прекращалась и после ухода Пугачева; продолжали ее местные повстанческие отряды и непосредственно крестьянская масса в селах и деревнях. Эта борьба не утихала в течение всего августа и даже начала

⁵¹ Сборник «Пугачевщина». Т. II. М.-Л. 1929. стр. 352—353, 258, 432—433, 435, 185—186 и др.

⁵² С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 62—63.

⁵³ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Ч. 3. М. 1884, стр. 105.

⁵⁴ С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 69—81.

⁵⁵ С. Петров. Указ. соч., стр. 63, 101—109.

⁵⁶ С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 109.

⁵⁷ С. Петров. Указ. соч., стр. 65.

сентября, несмотря на действия значительных карательных отрядов. Местные власти отмечали в течение всего августа в юго-восточном районе действия многочисленных позстанческих отрядов⁵⁸.

В первых числах сентября в районе Саранска майор Харин имел сражение с отрядом восставшей мордвы, майор Голуб — с другим крупным повстанческим отрядом, а капитан Лунин вел четырехчасовой бой за Наровчат. Атаман Луковкин доносил 12 сентября о столкновении на территории Пензенского края с крупной партией повстанцев, у которых было отнято 6 пушек⁵⁹. Отдельные вспышки восстания прослеживаются до 1775 года. В марте 1775 г. сообщалось о волнении крестьян, приписанных к Авязно-Петровскому заводу Демидова. В июле говорится о возмущении крестьян села Козловки и Чистого поля, активно участвовавших в движении в период наступления Пугачева на Казань, причем в рапорте указывалось, что крестьяне Чистого поля «все и теперь еще в том скопе»⁶⁰. Возмущение крестьян Куракинских вотчин сел Архангельского и Борисоглебского происходило уже после ухода Пугачева на юг, с 5 августа по 16 сентября. Подвергшись суровым репрессиям, крестьяне, однако, продолжали волноваться на протяжении первых месяцев 1775 г., и их сопротивление было полностью сломлено помещичьими властями только в середине августа⁶¹.

Правительство и сама Екатерина II довольно трезво оценивали положение. Уже в период восстания А. И. Бибиков писал: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование»⁶². Еще определеннее высказалась Екатерина II осенью 1775 г. в письме к генерал-прокурору А. А. Вяземскому: «7. Пророчествовать можно, что естли за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, что бунт всех крепостных деревень воспоследует и что 8. Положение помещичьих крестьян таково критическое, что окромя тишиной и человеколюбивыми учреждениями ничем избегнуть не можно. 9. Генерально освобождение несносного и жестокого ига не воспоследует, ибо не имев обороны ни в законах, и нигде, следовательно всякая малость может их привести в отчаяние; колыми паче мстительный такой закон, как Сенат вздумал не кстати не к ладу издать. И так 10. Прошу быть весьма осторожну в подобных случаях, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду, естли в новом узаконении не будут взяты меры к пресечению сих опасных следствий. 11. Ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческого роду нестерпимого положения, то 12. Против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно»⁶³. Тот же страх новой крестьянской войны испытывал видный правительственный деятель екатерининского царствования, граф Сиверс, в связи с возмущением крестьян в вотчине Апраксина в Псковской губернии в 1777—1780 годах⁶⁴.

В исторической литературе утвердилось представление о полном спаде крестьянского движения после подавления крестьянской войны 1773—1774 гг. в результате жестокого усмирения и вызванного им страха в среде крестьянства⁶⁵. Однако эти представления не соответствуют действительности и объясняются слабой изученностью источников. Уже с конца 70-х годов, непосредственно за подавлением крестьянской войны

⁵⁸ Сборник «Пугачевщина». Т. III, стр. 62—63, 65—70, 75—77, 92—97, 108—109, 138.

⁵⁹ С. Петров. Указ. соч., стр. 132.

⁶⁰ Сборник «Пугачевщина». Т. III, стр. 408—409, 412—418.

⁶¹ Э. С. Коган. Указ. соч., стр. 110—116.

⁶² «Осьмнадцатый век». Кн. III, стр. 232.

⁶³ Там же, стр. 390.

⁶⁴ ЦГАДА, Госархив, разр. XVI, д. 778, ч. I, л. 108. Текст письма на французском языке.

⁶⁵ В. И. Семевский. Указ. соч. Тт. I и II. О волнении крепостных крестьян — специально т. I, гл. XIII, стр. 419—456; И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 68.

1773—1774 гг., начались крупные выступления крестьян, предшествовавшие новому подъему массового крестьянского движения конца 90-х годов. Ближайшим толчком к восстанию в большинстве случаев указывается резкое возрастание крестьянских повинностей, включающее нередко возобновление барщины. Лозунгами крестьянского движения являлись: полный отказ от работы на помещика, уничтожение крепостного права вообще, требование освобождения, выраженное в уже знакомой нам формуле перевода на положение государственных, казенных крестьян.

Ряд крупных крестьянских выступлений отмечен в конце 70-х — начале 80-х годов в западных губерниях. Характерным представляется восстание крестьян Порховских вотчин графов Апраксиных, начавшееся в 1777 г. и продолжавшееся свыше 3 лет; оно хорошо освещено благодаря сохранившемуся следственному делу и обстоятельным записям генерал-губернатора Я. Сивера⁶⁶. В 1775 г. отмечено другое крупное крестьянское восстание — в Дорогобужском уезде, Смоленской губернии, в вотчине купца И. С. Барышникова, официально значившейся за графом И. Г. Орловым⁶⁷. Вступление во владение купца Барышникова сопровождалось резким расширением господского хозяйства за счет отобрания надельных земель, увеличением натуральных оброков и введением барщины. Крестьяне поднялись против этого в полном единстве («собрались в дом господский все до единого в общем согласии»). В конце 1774 г. в Дорогобуж направилось из вотчины до 500 крестьян. Осенью 1780 г. крупные крестьянские возмущения отмечены в Новгородской и Тверской губерниях, в смежных с Псковской губернией уездах⁶⁸.

Донесение от сентября 1780 г. сообщало о вооруженном восстании крестьян помещика Тютчева в Краснохолмском уезде, Тверской губернии, с требованием освобождения из-под власти помещика. Широкое крестьянское движение охватило Тихвинский, Ладожский и Белозерский уезды и также преследовало цель выхода из-под помещичьей власти: крестьяне объявляли, что «есть указ быть им вольными»⁶⁹. По сообщениям новгородского губернатора, многие другие помещичьи крестьяне, следуя за ними, также стали объявлять себя государственными и «сделались помещикам ослушными».

В 1783 г. в этом же районе возмутились крестьяне П. Я. Толстого в его Валуйской вотчине Новгородской губернии, ссылаясь на «несоразмерные» поборы помещика, и выразили желание переселиться на Моздокскую линию по указу 20 октября 1783 г., то есть стать «вольными». Отсюда движение перебросилось в Осташковскую вотчину того же Толстого в Тверской губернии⁷⁰, а затем в Валдайскую вотчину Я. Толстого. В эти же годы крестьянские выступления против помещиков отмечаются и в старом районе крестьянской войны — в Среднем Поволжье. Так, в 1780—1781 гг. в саранских вотчинах Полянских отказались от послушания помещику крестьяне села Пушкина; в 1781—1782 гг. произошло возмущение против приказчика в связи с непосильной барщиной в селе Ивановском. К тому же 1781 г. относится слушание «в работе и в сборе положенных доходов» крестьян вотчины С. Бутурлина, в Лукояновском уезде, Нижегородской губернии⁷¹, а к 1783—1784 гг. относится дело «О крестьянах полковника

⁶⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. XVI, д. 788, особенно лл. 181—237. Подробное освещение движения см. Н. Л. Рубинштейн. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII века. «Исторические записки», 1952, кн. 40, стр. 140—153.

⁶⁷ ЦГАДА, Госархив, разр. VII, оп. 2, д. 2438, 1775 год.

⁶⁸ Там же, лл. 15—17; разр. XVI, № 788; см. также Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 140—153.

⁶⁹ Очевидно, еще держался слух о таком царском указе. Ср. С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. 6, стб. 292—333.

⁷⁰ ПСЗ. Т. XXI, №№ 15619, 15549.

⁷¹ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии». Т. III, стр. 109.

Зубова, отказавшихся от повиновения своему господину»⁷². По сообщению казанского генерал-губернатора, «взирая на зубовских же крестьян», отложились и крестьяне помещика Неелова⁷³.

Наибольшего размаха крестьянское движение достигло снова в 1796—1797 годах⁷⁴. Движение этих лет распространилось почти на всю территорию Европейской России. Крестьянскими волнениями были охвачены в той или иной мере 32 губернии. Движение получило наибольшее распространение прежде всего в старом русском центре, особенно в промышленных и торгово-промысловых районах: по Владимирской с прилегающими Костромской и Ярославской, по Тверской и Смоленской; в центральном земледельческом районе — по Орловской губернии с прилегающими Курской, Тульской и Тамбовской. Всего в донесениях губернаторов было зарегистрировано 278 случаев возмущений. При этом, как правильно было отмечено уже Е. Трифилевым, только за первые три месяца царствования Павла I крестьянами было подано 1 205 челобитных с жалобами на помещиков. Обычное содержание таких челобитных — просьба об освобождении от помещиков и переводе в разряд государственных крестьян. Таким образом, действительное число крестьянских выступлений должно быть значительно увеличено. Начавшись в декабре 1796 г., движение получило особенный размах и интенсивность на протяжении первой половины 1797 г.: только за декабрь 1796 г. и январь 1797 г. зарегистрировано 168 случаев крупных возмущений. Новое обострение движения отмечено в мае.

Возникает вопрос о причинах такого внезапного массового взрыва. Трифилев пытался связать это движение с первыми указами Павла I, в частности с его указом по крестьянскому вопросу, развив целую теорию о якобы присущей Павлу особой заботе о крестьянстве, игнорируя в то же время павловские указы, связанные с жестокой расправой над крестьянами. Но, по данным самого Трифилева, массовое движение развернулось уже в декабре и достигло наибольшего размаха в январе. Между тем основные указы по крестьянскому вопросу относятся к январю, февралю и апрелю. К более раннему времени относится только указание манифеста о приведении к присяге крестьян наряду с другими сословиями и общий указ 12 декабря 1796 г. о праве подачи прошений на имя царя, также относившийся без различий ко всему населению. Но на этот последний указ крестьянские массы не могли откликнуться столь быстро.

Подъем крестьянского движения, видимо, был связан с ожиданиями самих крестьян по случаю воцарения Павла I. Еще в период крестьянской войны имя Павла связывали с именем Петра III и противопоставляли его Екатерине II. Позднее крестьяне направляли некоторые свои челобитные на имя Павла, которого они уже тогда именовали царем. В этих условиях допущение крестьян к присяге и могло вселить в крестьянские массы надежды на облегчение их участи.

Что касается павловских указов, то эти указы, и в первую очередь так называемый указ о трехдневной барщине, скорее были следствием, а не причиной крестьянского движения. Попытки правительства побудить помещиков к некоторому смягчению крепостнической эксплуатации⁷⁵ являлись непосредственным ответом на жалобы крестьян, число которых, как

⁷² ЦГАДА, разр. VII, оп. 2, д. 2652 (45 лл.).

⁷³ Там же, л. 2 об.

⁷⁴ Основные материалы по этому движению сосредоточены в ЦГАДА, Госархив, разр. VII. Они были использованы еще в работе Е. П. Трифилева «Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого». Харьков. 1904. В последнее время крестьянскому движению этого периода была посвящена кандидатская диссертация Е. И. Кореньевой «Крестьянское движение в России в 1796—1798 годах».

⁷⁵ Указ отнюдь не вводил обязательной нормировки размера барщины, числа барщинных дней.

указано, уже к концу февраля превысило 1 200 челобитных. Вместе с тем можно предполагать, что усиление крестьянских выступлений в мае — июне 1797 г. было связано с крестьянским истолкованием этого указа.

Ссылки крестьянских челобитных на отдельные царские указы, их настойчивое истолкование в свою пользу имели место еще в 1750—1760 годах. Но в 1796—1797 гг. эта тенденция получила наиболее полное и законченное выражение. Но это были внешние мотивы движения. Непосредственную причину движения надо искать прежде всего в положении крестьянства, в экономических условиях, связанных с дальнейшим развитием капиталистического уклада, с распространением товарных отношений в сельском хозяйстве. Помещик наступал на крестьянское хозяйство прежде всего путем расширения господского хозяйства и усиления барщины. Там же, где помещик не располагал для этого соответствующими возможностями, он повышал денежный оброк в целях присвоения растущих денежных поступлений крестьянского хозяйства с его усиливающимися рыночными связями, а также применял различные хищнические методы непосредственной реализации своей крепостнической собственности. В большинстве вотчин, охваченных движением, помещичье предпринимательство было связано с заведением разного рода промышленных и промысловых предприятий: винокуренных заводов, кирпичных заводов, прядильных и ткацких заведений и прочих, с введением всякого рода «изделья». Этот рост эксплуатации в ряде случаев оказывается связанным с переходом вотчин к новому владельцу; покупка вотчины преследует в этих случаях предпринимательские цели.

Так, крестьяне села Андросова, Дмитриевского уезда, Орловской губернии, были куплены в 1796 г. новым владельцем, соседним помещиком Андреевым, который, по его словам, «употребил всевозможные старания на хозяйственные строения, истрата на оные с покупкою до 100 тыс. рублей заемных денег». В связи с этим крестьяне были переведены с денежного оброка на барщину и жаловались на «несносные работы» и на лишение их хозяйственных угодий. По сообщению помещика, крестьяне были посланы на работы по строительству усадьбы, мельницы, винокуренных заводов, а $\frac{1}{3}$ крестьян он перевел в другие свои села за недостатком земли, очевидно, в связи с переводом части ее под господское хозяйство.

Отобрание крестьянских земель под господскую пашню и луга и введение разных видов барщины имели место и в вотчинах Владимирской, Калужской, Тульской, Смоленской, Саратовской губерний.

Особенно тяжелой повинностью была работа на помещичьих винокуренных заводах. Возмущившиеся крестьяне Голицыной и Апраксина первым делом разгромили винокуренные заводы, хотя тут же говорится, что «никакому господскому имению грабительства не чинят». «Обширный винокуренный завод и содержание на откуп питейного збора» составляли основной предмет вотчинного хозяйства графа Разумовского в Можайском уезде, Московской губернии. Согласно официальному рапорту, помещик «довел от тяжких по строению заводских плотин и других работ, от перевозки дров и развозу вина, и от податей денежных и хлебных великую часть крестьян до сущей бедноты». За недостатком собственного хлеба велел он возить хлеб на завод из житниц и магазинов крестьян. Против «фабричной барщины» было направлено возмущение крестьян и в Костромской, Владимирской, Рязанской губерниях.

В некоторых случаях крестьяне выступали против увеличения денежного оброка. С крестьян села Балабанова, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, вотчины капитана Власова, был взят денежный оброк в 32 руб. с души м. п., сверх того единовременный сбор в 4 тыс. руб. с 347 душ м. п. за два года и разные другие работы, что составило в общей сложности, по расчетам крестьян, до 70—80 руб. на 1 душу м. п. Относительно вотчины надворного советника Воронцова в Лукояновском уезде, Нижегородской

губернии, сообщалось об увеличении денежного оброка с 30 руб. до 50 с тягла либо о переводе с оброка на барщину в размере 1,5 дес. в поле ⁷⁶.

В поисках наиболее простых средств к изысканию потребных денежных ресурсов ряд помещиков обращался к непосредственной реализации своей феодальной собственности. Крестьянские жалобы отмечают отмежевание у них надельных земель и угодий и продажу их помещиками или сдачу в аренду на сторону. Так, помещик Прахов в Клинском уезде отнял у крестьян две роши, бывшие в их пользовании, и сдал их на сторону, а с них продолжал требовать поставки дров на свой обиход ⁷⁷. Продавали и самих крестьян, причем практиковалась продажа в рекруты. О помещике И. П. Дурове крестьяне села Асташихи, Варнавинского уезда, Костромской губернии, сообщали, что он сперва, «собрав всех лутчих и годных в рекруты крестьян, требовал за них со отцов их выкупа» и взял, таким образом, 1 200 руб., а затем увез с собой 70 человек, из которых продал 8 человек в рекруты, а 62 оставил у себя при доме, взимая за них подати с остальных крестьян. Нижегородский помещик Д. З. Евлашевич обвинялся в массовой продаже крестьян на сторону в рекруты, всего 130 душ за 1794—1796 годы ⁷⁸.

Основным мотивом многих крестьянских выступлений являлось непосредственное требование полного освобождения от крепостной зависимости. «Не только в послушании, но и крепостными ее, Давыдовой, быть не желают»; «вздумали, что они казне принадлежат»; «говорят, что они уже не их, Милютиных, а государевы, и хотят разбежаться, но куда, неизвестно». В Тверской и Новгородской губерниях крестьяне продолжали побеги с получением билетов, «якобы вернулись из-за границы и записываются в казенные». В прошении, поданном помещиком Поздеевым в связи с возмущением его крестьян, говорится, что их цель: «дабы не было дворян», и что бунт их «весьма похож на Пугачевский» ⁷⁹. Выдвигаемое в ряде случаев как совершенно самостоятельный и единственный предмет возмущения, это требование встречается, за немногими исключениями, и во всех остальных случаях. Обосновывая свои требования, крестьяне часто ссылались на царские указы, толкуя их по-своему. Почти каждое выступление сопровождалось крестьянскими челобитными царю. Вот типичное заявление крестьянской челобитной. Торопецкие и холмские крестьяне Голенищева-Кутузова ссылались на царский указ, «чтоб крестьяном господам своим должно повиновения не делать, а все крестьяне будут вольными». Уверенность в своем праве на освобождение от крепостной зависимости прочно утверждается в сознании крестьянских масс, определяя новый этап в развитии крестьянской борьбы ⁸⁰.

Указанные моменты определили массовый характер крестьянского движения 90-х годов. По земледельческой Орловской губернии было зарегистрировано 33 крестьянских восстания. При этом, сообщая о возмущении крестьян вотчин Апраксина и Голицыной, губернатор указывал, что за ними состояло до 13 тыс. крестьян, и, видимо, не сомневался в причастности всех их к восстанию. Вместе с ними выступали и крестьяне ряда соседних помещиков — Андреева, Бодиско, Хлюпиной и других, а также сообщалось о прямой их связи с крестьянами соседних вотчин Курской и Калужской губерний. С ними объединялись и экономические крестьяне.

По Владимирской губернии восстания были зарегистрированы в 56 селениях, причем непосредственно участвующих в бунте считалось 11 850. При этом характерно, что наибольший размах движения отмечен

⁷⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2918, ч. I, лл. 1—4; ч. II, л. 87; д. 2985, ч. I, лл. 16—18, 21, 26, 27, 81, 86, 123, 143, 326—327; ч. II, лл. 6—7, 29—31, 378 и др.

⁷⁷ Там же, д. 2985, ч. II, л. 181.

⁷⁸ Там же, лл. 177, 19, 65—68.

⁷⁹ Там же, д. 2918, ч. I, лл. 206—209, 216, 178—189; «Русский архив», 1869, т. VII, стр. 536—537.

⁸⁰ ЦГАДА, Госархив, д. 2918, ч. I, лл. 2, 21, 131, 275, 306; д. 2985, ч. II, л. 92, 141, 145—146, 147 и др.

как раз в уездах с более развитыми сельскохозяйственными занятиями (Юрьев-Польский, Покровский, Переяславско-Залесский). В Тверской губернии еще в июле возмущением было охвачено 37 вотчин. В Новгородской губернии государственные крестьяне находились в общем согласии с помещичьими и укрывали их в своих жилищах.

Крестьяне одной вотчины нередко вовлекали в движение соседних крестьян. Так, возмущившиеся крестьяне вотчины Голицыной в Севском уезде отправили от себя 30 человек «в Болховскую и Дешкинскую округи для отговаривания живущих там крестьян ее, Голицыной, к таковому же возмущению». Из Торопецкого уезда сообщалось, что восставшие крестьяне Голенищева-Кутузова «возмущают к бунту соседственных крестьян». По сообщению владимирского губернатора о крестьянских волнениях, «наиважнейшее из них возмущение крестьян Демидова, коих волость числом 2500, да по соседству в Ярославской губ. тысячи полторы в одном с ними заговоре...»⁸¹. В движении 1796—1797 гг. характерна общая солидарность крестьян вотчины — «со всего мирского согласия», — а также участие выборной администрации, связанной с важной точкой верховской села. Такое положение отмечено в вотчине Поздеева, Олопецкой губернии, у помещицы Давыдовой в селе Балабанове, Рыбинского уезда, в вотчине А. Межанова, Вологодской губернии, и других⁸².

В движении 90-х годов были налицо значительные элементы организованности. Во многих случаях крестьяне заранее составляли челобитные и избирали своих холодов для отправки подачи прошения царю; тут же проводились раскладка и сбор денег на связанные с этим расходы. Крестьяне обычно отказывались от всяких разговоров с помещиками и местными властями до возвращения своих выборных с официальным указом по их прошению. В некоторых случаях крестьяне готовились к возможному вооруженному отпору царским войскам: шла заготовка оружия и укрепление села, организация военных отрядов и т. п. В донесении севского исправника от 25 января 1796 г. последовательно описывается выступление крестьян Апраксина и Голицыной в Орловской губернии.

Движение началось с отказа крестьян деревни Ивановской выслать на господскую работу 10 человек. Вслед за тем в деревне собрались крестьяне 5 соседних селений в количестве около 800 человек; вскоре их число возросло до 2 тысяч. К концу января движение распространилось и на крестьян вотчины «бригадирши» Голицыной с центром в селе Радогощи. Губернатор сообщал, что «даже как в оной волости, так и из оных ни выехать ни выйтить невозможно, ибо кругом сел Брасово и Радогощи, в коих наиболее бунтовщики пребывание имеют, учреждены ими из бунтовщиков крестьян верхом объезды». Крестьяне по селениям тут же выбрали себе руководителей. «Начальники мятежников разослали нарочных в селения, таковых же крестьян, чтобы они непременно спешно собирались все в с. Радогощи и уговорились, какой будет дан для того сигнал». Впоследствии главный центр был перенесен в село Брасово, где считали до 6 тыс. собравшихся; в Радогощах был оставлен военный караул в 100 человек, а другие временно разошлись по своим жителям. Много внимания было уделено вооружению. По сообщению губернатора, восставшие «заблаговременно приготовили колье заостренное, дубинки, камня и поленья». Крестьяне собрали также огнестрельное оружие. В селе Радогощи выставили по улицам против входов и выходов 8 пушек «изрядного калибра», запаслись ручным огнестрельным оружием и патронами и набрали до 200 «стрельбов». В Брасове тоже имелись пушки и до 200 стрельбов. В деле содержится обстоятельное описание хода военных действий кре-

⁸¹ ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59366; разр. VII, д. 2918, ч. I, лл. 27, 35, 50, 275; ч. II, лл. 179—181, 188.

⁸² «Русский архив», 1869, т. VII, стр. 532; ЦГАДА, Госархив, разр. VII, оп. 2, д. 2918, ч. I, л. 203; ч. II, лл. 87, 240, 389 и др.

стьян, протекавших на первых порах весьма успешно и показавших наличие у части крестьян определенной военной сноровки⁸³.

Крестьянское движение 1796—1797 гг. подверглось жестокому подавлению военными силами. Однако и в последующие годы продолжали поступать сведения о крестьянских волнениях. Большой интерес представляет дело 1801 г. «О крестьянах помещика Потапова, отосланных вместо наказания на поселение за непослушание помещику», относящееся к Новгородской губернии. Возмущение непосредственно примыкает к движению 1797 года. Крестьян обвиняли в составлении «мирского приговора и учинении к высочайшей его величества особе просьбы». Интересно, что зачинщиками движения оказались в основном уже немолодые крестьяне: из 11 семерым было за 50 лет, остальным — 47, 46, 45 и 35 лет⁸⁴.

Таким образом, всю вторую половину XVIII в. заполняет напряженная классовая борьба крестьянских масс. Она достигает большого размаха уже в конце 50-х и в 60-е годы. Кульминационным моментом этого подъема классовой борьбы явилась крестьянская война 1773—1774 годов. Но поражение крестьянской войны не могло остановить развитие крестьянской борьбы, обусловленной всем ходом социально-экономического развития. Она продолжается во второй половине 70-х и в 80-е годы и получает новое массовое распространение в 1796—1797 годах. Новые исторические условия второй половины XVIII в. определили и основные характерные черты крестьянского движения на этом этапе. Из выступлений против отдельных помещиков, против отдельных крайностей крепостнической эксплуатации оно перерастает в борьбу против самых основ крепостного права. Крестьянское движение охватывает обычно целые районы, объединяя крестьян разных помещиков, а часто помещичьих крестьян с государственными. В борьбе против крепостного права крестьяне пытаются опереться на царские указы и манифесты для обоснования законности своих требований; в этом находит свое отражение принципиально новое классовое содержание движения, своеобразная форма выражения его антифеодальной сущности, а не только его идейная ограниченность. Движение отличается упорством и выливается в форму вооруженных выступлений. С этим связаны и известные элементы организованности, пусть еще ограниченные и весьма условные.

⁸³ Полную историю восстания см. ЦГАДА. Госархив, разр. VII, д. № 2918, ч. I, лл. 20—194.

⁸⁴ Там же, д. 3639.